

Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая) // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 138–158. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_138

УДК 343.01

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_138

Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая)

Сергей Владимирович Маликов

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: moksha1@rambler.ru

*Поступила в редакцию 28.02.2025, поступила после рецензирования 30.04.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

Актуальность данной статьи, являющейся, по сути, продолжением статьи «Историческая школа права как основа исторического направления в русской уголовно-правовой доктрине (статья первая)»¹, обусловлена необходимостью, во-первых, устранить лакуны в истории науки уголовного права, образовавшиеся в связи с ее фрагментацией, исключением из научного поля ряда уголовно-правовых школ, в том числе исторической школы русского уголовного права; во-вторых, возвращения в научный оборот работ ученых XVIII в., стоявших у истоков права в целом и уголовного права в частности, что обеспечит более полное и глубокое познание современной уголовно-правовой теории, ее природных корней, отражающих самобытность и национальные особенности русской доктрины. Цель исследования – показать зарождение историко-сравнительного направления в теории русского уголовного права как составляющей исторической школы русского уголовного права, сложившейся на основе исторической школы права Савиньи, определить его представителей, раскрыть их научное наследие, не утратившее своего значения и в настоящее время. Теоретико-методологической основой исследования выступает диалектический материализм, а также логический и историко-догматический методы познания. Краткое содержание работы. В статье приводятся

¹ См.: Антиномии. 2025. Т. 25, № 1. С. 128–158.

© Маликов С.В., Чучаев А.И., 2025

краткие биографические сведения предвозвестника историко-сравнительного направления исторической школы русского уголовного права и даются характеристики уголовно-правовых взглядов А.Я. Поленова и основоположника диахронной компаративистики С.Е. Десницкого, преподавателей императорского Харьковского университета И.Ф. Тимковского и К.Ф. Миха(й)ловского, в работах которых не только нашли отражение идеи указанных ученых, но и получили дальнейшее свое развитие как в общетеоретическом, так и в прикладном аспектах. Основные выводы исследования сводятся к следующим: 1) историко-сравнительное направление русского уголовного права характеризуется своеобразием концептуальных основ: возникнув на почве историко-правовой школы Савиньи, оно вобрало в себя как сложившиеся в России традиции исторического изучения права, так и научное наследие Поленова и в особенности Десницкого; 2) Поленов, будучи убежденным, что право каждого народа своеобразно, носит отпечаток разных обстоятельств, изучение которых дает возможность определить причины, вызвавшие перемены в законодательстве других стран, ратовал за исследование зарубежного права, но был при этом категорически против непосредственной имплементации в русское право чуждых ему элементов и форм; 3) Десницкий, являясь ученым энциклопедистом, достаточно обстоятельно разработал теоретико-методологические основы сравнительного правоведения, воспринимая исторический способ как исследование истории отдельных институтов права у разных народов в их развитии для «выяснения законов их смены»; высказал прогрессивные уголовно-правовые идеи, в ряде случаев перекликавшиеся с воззрениями К.-Г. Лангера, Ч. Беккариа и А. Смита (в частности, о причинах индивидуального преступного поведения, *jus puniendi*, дифференциации правовой ответственности, равенстве перед уголовным законом, справедливости наказания, смертной казни и др.), не утратившие своего значения и в настоящее время; 4) научное наследие Тимковского и Миха(й)ловского, относящееся к историко-сравнительной доктрине уголовного права, невелико, однако от этого оно не менее значимо, свидетельствует о преемственности идей школы Десницкого, его научном влиянии на становление и развитие историко-сравнительного направления исторической уголовно-правовой мысли российского уголовного права.

Ключевые слова: историческая школа права; историческая школа русского уголовного права; историко-сравнительное направление; А.Я. Поленов; С.Е. Десницкий; И.Ф. Тимковский; К.Ф. Миха(й)ловский; научное наследие; современная диахронная компаративистика

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part Two)

Sergey V. Malikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 28.02.2025, revised 30.04.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. This article, which serves as a continuation of the work *The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part One)*², is motivated by two key imperatives. First, it seeks to address gaps in the history of criminal law scholarship caused by its fragmentation and the exclusion of certain schools of thought – particularly the historical school of criminal law in Russia – from academic discourse. Second, it aims to reintroduce the works of 18th century legal scholars who laid the foundations of law, and criminal law in particular. Such reintegration will enable a more profound understanding of contemporary criminal law theory, its philosophical roots, and the unique national characteristics of Russian legal doctrine. The study aims to trace the emergence of the historical-comparative approach in Russian criminal law theory as a component of the Russian historical school of criminal law – itself shaped by Friedrich Carl von Savigny's historical school of law. It further seeks to identify key contributors to this approach, examine their scholarly legacy, and demonstrate its enduring relevance today. The article provides brief biographical details of the forerunner of the historical-comparative direction in the Russian historical school of criminal law and characterizes the criminal-legal views of Alexey Ya. Polenov and the founder of diachronic comparative law, Semyon E. Desnitsky, as well as Imperial Kharkov University professors Ilya F. Timkovsky and Capiton Ph. Mikhlovsky. Their works not only reflect the ideas of these scholars but also advanced them further in both theoretical and applied dimensions. The study's key conclusions are as follows: 1) The historical-comparative direction in Russian criminal law is distinguished by its unique conceptual foundations. Emerging from Savigny's school, it incorporated both Russia's established traditions of historical legal studies and the scholarly legacy of Polenov and, especially, Desnitsky. 2) Polenov, convinced that each nation's law is a unique one, shaped by diverse circumstances, advocated for examining foreign legal systems. However, he firmly opposed the direct transplantation of alien legal elements into Russian law. 3) Desnitsky, a polymath scholar, developed methodology of comparative jurisprudence, he approached history as the study of legal institutions across nations in their development to "uncover the laws of their evolution". His progressive criminal-legal ideas on individual criminal behavior, *jus puniendi*, differentiated legal responsibility, equality before criminal law, penal justice, capital punishment, remain relevant to

² See: Antinomies, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 128–158.

this day. 4) Limited in volume, the scholarly contributions of Timkovsky and Mikhlovsky within the historical-comparative doctrine of criminal law are no less significant. They attest to the continuity of Desnitsky's school and its influence on the formation and development of the historical-comparative direction in Russian criminal-legal thought.

Keywords: historical school of law; historical school of Russian criminal law; historical-comparative approach; Alexey Ya. Polenov; Semyon E. Desnitsky; Ilya F. Timkovsky; Capiton Ph. Mikhlovsky; scholarly legacy; contemporary diachronic comparative studies

Acknowledgements: This research was conducted as part of the scientific project "Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development". This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Malikov S.V., Chuchaev A.I. The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part Two), *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 138-158. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_138

В середине XIX в. в историческом исследовании уголовного права, наряду со школой Неймана и ее представителями из числа западно-славянских криминалистов, возникло новое направление, которое, с одной стороны, основывалось на русских традициях исторического изучения права, восходящих к концу XVIII в., а с другой – ее сторонники во многом придерживались воззрений А.Я. Поленова и в особенности С.Е. Десницкого³.

Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816) – русский юрист, из костромских дворян. Предки были военными и получили поместья в награду за участие в походах. Действительный статский советник.

Закончил гимназию при Академии наук⁴, а затем, в 1754 г., – университет⁵ при этой же Академии. В университете изучал юриспруденцию («слушал лекции Штрубе де Пирмонта, а потом, с 1760 года, – Федоровича, который заменил «отбывшего от Академии» Струве»⁶), участвовал в переводе лифляндских законов, получил чин переводчика. За отличия в учебе

³ См.: (Маликов, Чучаев 2025).

⁴ Академическая гимназия – первое общеобразовательное среднее учебное заведение в Российской империи для мальчиков из различных свободных сословий. Учреждена в 1724 г. при Петре I. Первоначально полный гимназический курс был рассчитан на 7 лет, после чего гимназист мог быть переведен в Академический университет Петербургской академии наук. Если гимназист не хотел обучаться в университете, то мог изучать предметы по выбору.

⁵ Академический университет – первое светское высшее учебное заведение в Российской империи, основано Петром I в январе 1724 г. при Петербургской Академии наук. Считается предшественником Санкт-Петербургского государственного университета. Обучение велось с января 1726 г. академиками по трем «классам»: математика, физика и «гуманиоры». Лекции читались на латинском и немецком языках.

⁶ Шугуров М.Ф. Учение и ученики в XVIII веке. Б.м., 1866. С. 5.

награжден шпагой. В 1762 г. вместе с И.И. Лепехиным⁷ был отправлен на стажировку за границу.

Последнее обстоятельство М.В. Ломоносов описывает следующим образом: «Для учреждения Университета должно было иметь профессора юриспруденции, которое место после отрешения Штрубова, что ныне канцелярским советником, было порожнее. Ломоносов по рекомендации г. Гольдбаха и после одобрения в профессорском собрании (кроме Миллера) представил обер-авдителя Федоровича, который кроме того, что в университетах обучался, был через много лет в статской службе при медицинской канцелярии из адмиралтейства и сверх других изрядно научился Российскому праву (*sic*), почему он принят его сиятельством. Тауберт и Миллер его и по ныне ненавидят и гонят, за тем, что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особенно в двух случаях: 1) Научили недоброхоты из старых студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего принять не может (сия была причина посылки двух студентов за море, а не ради ученья). Сие Поленова доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано канцелярское определение мимо Ломоносова в поношение Федоровичу и удовольствие Поленову. А студент Лепехин послан с ним для виду»⁸.

Дмитрий Васильевич Поленов (1806–1878) – внук А.Я. Поленова, археолог и библиограф, член-корреспондент Академии наук, автор работы о Поленове высказал сомнения относительно объективности утверждения Ломоносова: «При всем уважении к великой личности Ломоносова, едва ли можно принять рассказ его за безусловную истину. Найдутся, вероятно, другие документы, которые покажут, что и переводчик Поленов, и студент Лепехин посланы были именно ради ученья»⁹.

Поленов до 1767 г. занимался римской историей и древностями, юридическими науками и французским языком. Обучался в Страсбургском (1762–1766) и Геттингенском (1766–1767) университетах. В процессе обучения увлекся историческими науками, чем вызвал большое недовольство членов Академии наук, видевших в Поленове профессора кафедры правоведения. Поленов в письме пытался объяснить необходимость для юриста исторического образования, но этим лишь больше настроил академиков против себя. По приезде из зарубежной командировки был оставлен без должности.

В 1771 г. Поленов был вынужден покинуть Академию наук и перейти в Комиссию по составлению законов, где занимался подготовкой проектов уголовного законодательства.

⁷ Лепехин Иван Иванович (1740–1802) – русский ученый-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель, лексикограф, академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1771).

⁸ Цит. по: Поленов Д.В. А.Я. Поленов, русский законовед XVIII века. Москва, 1865. С. 5.

⁹ Там же.

В 1765 г., находясь в Страсбурге, Поленов подготовил обширный план разработки русских законов. Характеризуя проект, он пишет: «...думаю взять на первый случай образцом Наставления императора Юстиниана для их непосредственного порядка и к каждому титулу присоединить российские, французские и немецкие права с показыванием их разности или согласия, не упуская причин исторических и политических, подавших повод к изданию нашего закона. С начала невозможно и притом одному привести в совершенный порядок такой важности и трудности дело и особливо для того, что прежние узаконения, или по крайней мере большая оных часть, смотря по нынешним обстоятельствам России, совсем не годны, и к решению дел не могут быть употреблены» (цит. по: Фельдштейн 2003: 133).

К сожалению, нет достоверных сведений о реализации автором намеченного плана, но мысли ученого, отраженные в письме, свидетельствуют о его попытке путем сравнительно-правового исследования извлечь положительный опыт формирования зарубежного права и использовать его *de lege ferenda* для создания русского законодательства, при этом ставя систему права в жесткую зависимость от причин, придавшим ему ту или иную форму. Другими словами, Поленов, по сути, предстает предвозвестником сравнительно-исторического направления (диахронной компаративистики) в изучении русского права вообще и уголовного права в частности¹⁰. Ученый был убежден, что право каждого народа своеобразно, носит отпечаток разных обстоятельств; изучение последних дает возможность определить причины, вызвавшие перемены в законодательстве других стран. Но, ратуя за изучение зарубежного права, он был категорически против непосредственного внедрения в русское право чуждых ему элементов и форм. Поленов пишет: «Примеры с других брать... не нужно, но единственно должно утверждаться на здравом рассуждении и на правилах человеколюбия, не упуская притом никогда из глаз общенародную пользу. Всякое государство имеет свое особенное составление, погрешности и превосходство; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учреждения какого государства можно было бы с пользою приложить к другому. Введение римских прав во многих европейских державах походит на чудовище...»¹¹.

Как и у Поленова, в научном наследии Десницкого не много работ, относящихся к уголовному праву. Самым ценным представляется определение им путей разрешения проблем уголовного правоправедения, исследованию которых он посвятил немало времени. Строго говоря, в его взглядах есть много от К.-Г. Лангера¹²; по утверждению самого Десницкого, он получил от него больше знаний, чем за все время пребывания в командировке в Англии.

¹⁰ В литературе Поленова иногда признают историком (см.: Сизинцев 2019: 114).

¹¹ Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России. С. 530.

¹² Лангер Карл-Генрих в 1764–1774 гг. в Московском университете читал естественное и народное право, политику, подчеркивая важность изучения юристами истории, статистики и философии. Кроме трех торжественных речей на латыни, ему принадлежит «Полный географический лексикон» (Москва, 1791–1792), содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света.

П.С. Грацианский считал, что взгляды Десницкого сформировались под влиянием Ломоносова, с воззрениями которого на задачи юридической науки мог ознакомиться перед поездкой в Глазго; последний уделял много внимания подготовке студентов, направляемых на учебу за границу (Грацианский 1978: 90).

По мнению Ломоносова, «...юрист, на подобие историографа, должен собирать все, что надлежит до Российских новых и древних прав и для их объяснения и приводить их в систематическое расположение, для пользы при сочинении прав Российских; паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции полные без излишеств; ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двусмысленных производит в суде великие беспорядки, отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам. Оны дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юрисконсульта, как новые изобретения, в форме диссертации собранию быть представлены на рассуждении, по апробации оного в комментариях напечатаны, с оговоркой, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились; но ради лучшего рассуждения в установлении и поправлении впрямь законов»¹³.

Семен Ефимович Десницкий (1740–1789)¹⁴ – русский просветитель, ученый-правовед, доктор римских и российских прав, ординарный профессор Московского университета, член Российской академии наук, коллежский асессор. По выражению Н.М. Коркунова, «праотец русской юридической профессуры»¹⁵. По признанию Ф.Л. Морошкина, «русский юридический факультет Московского университета создан всецело Семеном Ефимовичем Десницким. Им намечена и получившая осуществление программа, им же привлечены и слушатели. До его вступления на кафедру был период, когда один лишь профессор представлял собою факультет, и был год, когда на факультете был лишь один слушатель»¹⁶. Сыграл видную роль не только в становлении Московского университета, но и в российской правовой науке и русском просвещении.

¹³ *Биллярский*. Материалы для биографии Ломоносова собраны экстраординарным академиком Биллярским. Санкт-Петербург, 1865. С. 600–610.

¹⁴ В ряде источников утверждается, что год рождения Десницкого неизвестен (см., напр.: *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий. Первый русский профессор права. Санкт-Петербург, 1894. С. 8). Не приводится дата рождения ученого в Словаре русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, митрополита Евгения (в 2-х т. М, 1845), а также в Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленном трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку (М., 1855. Ч. 1). Б.В. Емельянов указывает 1740 год, но при этом делает оговорку – предположительно (см.: Емельянов 2022: 10).

¹⁵ *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий. Первый русский профессор права.

¹⁶ *Морошкин Ф.Л.* Речь Морошкина // Ученые Записки Московского университета. 1834. Ч. 3, № 8. С. 18.

Первоначальное образование получил в семинарии Троицкой Лавры¹⁷. Учился в университетской гимназии, потом в Московском университете. По указанию генерал-адъютанта И.И. Шувалова вместе с И.А. Третьяковым¹⁸ был командирован в Университет Глазго, где изучал юриспруденцию, математику, химию, историю, слушал курс нравственной философии у Адама Смита¹⁹. Как пишет А.Н. Круглов, очевидное влияние Смита на Десницкого отрицать невозможно. Тем не менее немало исследователей подчеркивают, казалось бы, невозможную в таких обстоятельствах самостоятельность русского мыслителя, уходя, тем самым, от его оценок как «восторженного апостола Смита». Это же справедливо и в отношении влияния Миллара. Г.М. Хэмбург отмечает, что «политическое мышление Десницкого в 1768 г. не было ни механическим повторением взглядов Адама Смита на политэкономии, ни нетворческой переработкой историко-социологической позиции Миллара относительно исторического прогресса, как предполагали некоторые ученые». Более того, даже открытость и восприимчивость к взглядам «господина Смита» потребовала от прибывшего в Глазго Десницкого немалых усилий, как это подчеркивает Коркунов, ибо воспитан он был в Москве на примерах в духе Винклера и Неттельбладта: «Не следует, однако, думать, что речи Десницкого – простая передача, слышанного им в аудиториях Глазговского университета». Однако благодаря обучению в Шотландии Десницкий на пару с Третьяковым донес в России до относительно широкой публики некоторые идеи своего университетского преподавателя Смита (Круглов 2019: 202-203).

Кроме лекций по нравственной философии, Десницкий посещал занятия у Джеймса Уильямса по математике и Джозефа Блэка по физике. Однако, как отмечает В.А. Томсинов, наибольшее значение для него как правоведа имели лекции Джона Миллара по гражданскому (римскому) праву, а также по публичному и частному шотландскому праву (Томсинов 2007: 134-135).

В Глазго Десницкий был удостоен степени магистра искусств (1765), а затем без защиты диссертации получил звание доктора гражданского и церковного права (1767). Ему были пожалованы «привилегии английского гражданства», несмотря на то что он оставался российским подданным.

Вернувшись в Россию, в 1767–1787 гг. занимал должность профессора права в Московском университете, где сначала читал римское право, а потом первым начал разработку русского права и вообще преподавание права на русском языке.

¹⁷ Смирнов О. История Троицкой Лаврской семинарии. Москва, 1867. С. 525.

¹⁸ Третьяков Иван Андреевич (1735–1776) – русский ученый-юрист, экстраординарный профессор Московского университета.

¹⁹ Курс Смита по нравственной философии охватывал: 1) естественную теологию; 2) этику; 3) юриспруденцию; 4) политическую экономию. Под юриспруденцией шотландский ученый понимал «теорию правил, которыми должны руководствоваться гражданские правительства» или «науку, исследующую общие принципы, которые должны быть фундаментом законов всех народов». Из этих утверждений явствует, что он являлся представителем естественного права (см. подробно: Томсинов 2007).

Наиболее известные труды: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (М., 1768) и «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах» (М., 1778).

Время пребывания Десницкого за границей совпало с зарождением исторической школы права. Представители голландской школы римского права культивировали ее идеи, много времени уделяли историзму в учебном процессе²⁰.

Отмечая необходимость исследования догмы русского права, Десницкий с горечью замечает: «...римское право преподается... уже более 20 лет, и во всей своей полной системе. Когда напротив сему Российское право не составляет в себе никакой особенной науки, кроме практического употребления судящих и судящихся; хотя впрочем основано оное на твердом положении, и утверждено быть может опытами множественных веков... <...> ...если бы Россиянам предложено было бы на выбор, которого из сих прав они не должны знать, без сомнения всякому бы лучше советовало не знать права Римского, нежели Российского»²¹. Ученый констатирует: «Удивительно, что в России до сих времен никакого почти особенного старания к отечественной Юриспруденции прилагается не было. Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений законов; и хотя старинные сводные уложения и не однажды деланы были, однако, за неимением совершенных и печатных, трудный доступ есть к запертым в частных хранилищах рукописным. Причиной тому может стать было то, что в России на природном языке все во всенародное известие было, и в Российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие применяются в законах феодальных правлений»²².

По мнению Десницкого, указанные наставления должны фиксировать права различного состояния людей в России и права, возникающие в связи с различными взаимными делами между российскими обывателями (то есть на основе договоров). Применительно к первой группе прав следует

²⁰ Влад. Калмыков отмечает: «...поездка за границу оставила неизгладимый след на образе мыслей Десницкого. Он подметил там проблески зарождающегося исторического направления в изучении права и явился первым и смелым представителем в России этого еще не вполне определившегося при нем направления. До него и в Московском университете, и в других учебных заведениях, где преподавалось правоведение, все коренилось на праве естественном, «перстом Божиим во всех сердцах написанном»; всюду господствовали Пуффендорф и Вольф. Можно было предполагать, что, воспитанный на их отвлеченных воззрениях, беспочвенных и далеких от действительности, Десницкий и сам окажется последователем естественного права. Но этого не случилось» (Калмыков Влад. Десницкий // Русский биографический словарь : в 25 т. Санкт-Петербург, 1905. Т. 6. С. 332).

²¹ Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах. Москва, 1778. С. 9, 12.

²² Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. Москва, 1768. С. 24–25.

отражать prerogативы российских монархов и дозволенные ими права их подданных; применительно ко второй группе – права вещественные и личные, а также все «тяжебные и криминальные дела»²³.

Десницкий указывал на ряд препятствий для организации научного изучения положительного русского права. К ним он, в частности, относил отсутствие, во-первых, систематизации законодательных актов; во-вторых, профессорско-преподавательского состава, готового к преподаванию истории русского права; в-третьих, методики преподавания русского права.

Профессор отвергал так называемое практическое изучение юриспруденции в судебных местах и глоссаторство²⁴. Как он отмечал, «...к счастью наших времен возвращен и нашей науке надлежащий способ исторический...»²⁵. Указанный способ он понимал как исследование истории отдельных институтов права у разных народов в их развитии для «выяснения законов их смены» (Фельдштейн 2003: 144). Справедливости ради следует заметить: Десницкий, говоря «об истолковании прав народных», «сношении обыкновений и законоположений нынешних с первоначальными»²⁶,

²³ Там же. С. 25.

²⁴ Десницкий пишет: «Искусство и знание, надобное судии, зависит:

1) От свойственности его рассуждений о том, что добрым и худым слывет в свете.

2) Такое его знание несравненно еще больше усугублено может быть из учения премногих примеров судебных дел.

Первое руководство, показывающее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия, натуральная юриспруденция и кроме сих учение натуры человеческой, которая больше познается с чтения и примечаний писателей о разных правлениях народов, нежели из школьных метафизических споров.

Второе средство для снабжения наш разум довольными примерами судебных дел есть учение такой системы, в которой бы можно ясно видеть для нее примеры судов, и сверх сего начало, возвышение и совершенство правления. Для сего лучшей нет другой системы, кроме законов римских. Почему следует, чтоб судьи до вступления на такую должность довольно управлялися в нравоучительной философии, натуральной юриспруденции, в римских законах, и кроме сих наук они должны подробно знать и искусно толковать законы своего отечества... Судья, когда вступит на свою должность, сам больше еще узнает, в чем его знание и упражнение состоять должно. А теперь можно с доказательством об нем утверждать вообще, что он принужден будет иметь полное университетское воспитание, для которого по причине столь обширного государства российского со временем могут быть учреждены училища во всех местах, где такие главные судьи тяжebные и криминальные будут присутствовать, равномерно как и факультеты адвокатские с библиотеками, надобными адвокатам. Впрочем, судья... должен знать историю, разные языки, как, например, латинский, немецкий, французский и английский, дабы с помощью сих мог читать разные системы законов и тем бы мог усугубить свое знание и искусство в делах судебных» (*Десницкий С.Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // *Записки Императорской Академии наук.* 1768. Т. 7, № 4. С. 3).

²⁵ *Десницкий С.Е.* Юридическое рассуждение о пользе знания... С. 15.

²⁶ Там же. С. 14.

достаточно ясно обосновал необходимость историко-сравнительного метода, однако до него эта задача не менее четко была уже сформулирована Поленовым и особенно Лангером, исследовавшим смену уголовного законодательства и определившим роль исторического подхода к изучению как причин эволюции права, так и различия «старых и новых» законов в разных странах.

Как считал Десницкий, юриспруденция должна следовать «натуральному порядку в изложении», а исследователь соединять «законы Российские с натуральным об их рассуждением»²⁷. Под последним он понимал теоретическую часть правоведения, покоящуюся на сравнительно-историческом методе познания права. Задачу натуральной юриспруденции ученый видел в том, чтобы в науке «изыскивать причины, которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений»²⁸.

Система натуральной юриспруденции представлена автором в самом общем виде, выделены четыре ее составляющие: 1) «О происшествии правлений в разные веки и у разных народов»; 2) «О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей»; 3) «О правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями»; 4) «О полиции, или благоустройении гражданском»²⁹. Уголовно-правовые проблемы специально не обозначены, они охватываются соответствующими частями системы. Так, в части второй затрагивается вопрос о правах, «...какие имеет человек к защищению своего тела, имени и проч.»³⁰; в части третьей приводятся рассуждения о преступлении и «подобном праве в преступлении». Но надо заметить, что автор и на указанные случаи распространяет положение, согласно которому «сии права сколько недостаточны бывают у непроswещенных народов, и сколько оные ограничены и в совершенстве приведены у нынешних, сие историческим доказательством должно пространно изъяснять, показывая их точные основания»³¹.

Избранный подход к уголовному праву, разумеется, сказался на полноте его характеристики. К сожалению, Десницкий, как и некоторые другие русские ученые, наметив перспективные пути развития учения о праве, в корне отличающиеся от имевшихся в то время, мало использовал свои наметки в трудах по конкретным отраслям права, в том числе и уголовному.

Теоретическая юриспруденция Десницкого имеет много общего с концепцией Лангера, сравнивавшего стремящихся познать сущность права без изучения «происшедших перемен в общежителъстве» с теми, кто «в безлунную ночь, заблуждаясь без света, часто препинаются, часто

²⁷ Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе... С. 26.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ Десницкий пишет: «Тяжебные дела... должны судить по правам, по крепостям и, если прав не будет доставать, по справедливости и истине, криминальные – по свидетельству очевидному» (Десницкий С.Е. Представление о учреждении... С. 5).

³¹ Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе... С. 21.

падают и часто не ведомо куда приходят, токмо не туда, куда идти намерены были»³².

Десницкий все порицаемые деяния делит на две группы: нравственно недопустимые и неправда уголовная, влекущая наказание. «Надобно примечать... истины двоякое знаменование, по которому она у законоучителей называется иногда исполнительный, иногда воздаятельный»³³. Исполнительная истина велит делать все то, что только по строгости права требуется быть может от целого света и в противном случае она велит всякого без изъятия... за преступление... Воздаятельная истина требует только того, что всякому по людскости и человечеству должно отдавать... Воздаятельная истина перед исполнительной имеет ту разность, что за неисполнение ее люди не подвергаются наказанию, хотя впрочем исполнением оные заслуживают себе великую похвалу от Бога и от человек»³⁴. Ученый отмечал, что шкала между преступным и морально недопустимым поведением подвижна, но при этом признавать последнее преступным может только верховная власть «с великой благопристойностью и благоволением всех»; «самим законодателям в таких законоположениях премудрость велит весьма законоискусно поступать... святые инквизиции в Европе много мучеников наделали, однако не много святых произвели во свет...»³⁵.

Для оценки взглядов Десницкого представляет интерес его последнее замечание. Скорее всего, оно демонстрирует желание автора при характеристике, выражаясь современным языком, криминализации деяний оставаться в рамках диахронной компаративистики.

Проблему права наказания (*jus puniendi*) ученый также пытается разрешить, исходя из воззрений историко-сравнительного направления уголовного права. Вывод, основанный на истории развития реакции человечества на неприемлемое для общества поведение, о смене мести (в том числе кровной) наказанием, приводит автора к мысли о том, что Бог «с природы влиял человеку мстительную склонность для защищения его здоровья,

³² Лангер К.Г. Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публичном собрании императорского Московского университета, бывшем для высокотожественного дня рождения ее императорского величества, благочестивейшей великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской. Москва, 1766. С. 20.

³³ В своей попытке отграничить уголовную ответственность от иных видов юридической ответственности, определить сферу действия уголовного права, как нам представляется, Десницкий опирался на некоторые положения этики Смита. Использованные последним латинские термины для обозначения двух видов справедливости – *justitia expletrix* и *justitia attributrix* – перевел как истина исполнительная и истина воздаятельная.

³⁴ Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным: В публичном собрании Императорского Московского университета на высочайший день рождения императрицы Екатерины Алексеевны, говоренное онагож университета юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким апреля 22 дня, 1770 года. Москва, 1770. С. 11.

³⁵ Там же. С. 13.

имени, имения³⁶, и только для защищения таких прав единственно»³⁷. Государство, по мнению Десницкого, не могло игнорировать данное обстоятельство. Но в то же время, как замечает ученый, если карательная власть государства коренится в инстинкте мести, то осознание целесообразности наказания, в том числе для «удовлетворения обидимых», потребность в воздействии на преступника, служат, во-первых, разумным его основанием и, во-вторых, определением его целей.

Наказание должно назначаться правильно, только такое возмездие вызывает всенародное одобрение. «Предстоящие при этом зрители и непристрастные слушатели внутренне благоволят о наказании... законопреступника и в тревогу бьют на зачинщика... злоторства»³⁸. Однако эта реакция вызывается не только чувством «мздовоздаяния». «Нарушение истины исполнительской и восстание против нее подвергает всякого жестокому истязанию потому, что через то самое другому непосредственно следует действительное зло и разорение», – пишет Десницкий. Это замечание – свидетельство не только неудовлетворенностью автора психологической теорией наказания Смита, но и попытки поиска объяснения рассматриваемого уголовно-правового феномена с совершенно иных позиций. Суровость наказания он связывал, во-первых, с требованиями гуманности, во-вторых, тяжестью совершенного деяния, в-третьих, равным воздаянием в отношении каждого совершившего преступление, в-четвертых, возможностью реализации целей воздействия. Последние могут быть достигнуты только тогда, когда наказания бывают «умерены по делам, учинены без изъятия всякому и не выходят за пределы человечества». Десницкий подчеркивает: «Сие наипаче... должно наблюдать, что учиненные казни не выходили

³⁶ Десницкий относил эти права человека к числу неотъемлемых. Он пишет: «Человек имеет природные права пользоваться беспрепятственно своею жизнью, здоровьем, честью и собственностью имения» (Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Т. 1. Вторая половина XVIII в. / под общ. ред. С.А. Покровского. Москва : Госюриздат, 1959. С. 185). В связи с этим утверждением С.А. Покровский замечает, что оно имело «огромное прогрессивное значение в условиях крепостничества, когда помещичьи крестьяне не имели права собственности не только на землю, но даже на движимое имущество» (Покровский 1955: 119).

³⁷ Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. С. 15. Мнение Десницкого перекликается с утверждением Смита, который считал, что стремление к мести может проявляться с разной силой. «Чем значительнее и несправливее причиненное зло, тем сильнейшую оно вызывает месть со стороны пострадавшего человека, тем живее бывает симпатическое негодование постороннего человека и, стало быть, тем глубже должно быть сознание своей неправоты в человеке, причинившим зло. Самые священные законы справедливости, законы, нарушение которых заслуживает мести и самого жестокого наказания, суть, стало быть, законы, охраняющие жизнь и личность человека; за ними следуют законы, охраняющие собственность и обладание; наконец, последнее место занимают законы, имеющие своим предметом охранение личных прав и обязательств, заключенных между гражданами» (Смит А. Теория нравственных чувств. Санкт-Петербург, 1868. С. 97).

³⁸ Десницкий С.Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. С. 13.

за пределы человечества, в противном случае непристрастные и посторонние зрители не будут благоволить и пришедши в сожаление об виноватом негодовать станут самых судей, чрез что чинимые казни теряют свой успех»³⁹.

Необходимость обеспечения соразмерности наказания приводит ученого к выводу, согласно которому убийство должно караться смертной казнью: «...Нет в свете кроме смертоубийства иного греха, который бы в чувствовании непристрастных и посторонних зрителей заслуживал смертное наказание»⁴⁰.

Вопрос о правомерности и обоснованности существования смертной казни как вида наказания автор не ставит. Его интересует другое: исходя из ее существования в карательной практике ряда государств, используя сравнительно-правовой метод исследования, Десницкий пытается выяснить, почему «многие в разных государствах и за другие грехи казнятся»⁴¹. Все внимание при этом он уделяет причинам, в силу которых смертная казнь возникла и существует в правоприменительной деятельности. Ученый выделяет несколько таких причин. Во-первых, необходимость обеспечения порядка, спокойствия и «возлюбленной тишины», составляющих благополучие любого государства. Для этого власть применяет все меры к пресечению «злостворства и злоупотреблений клонящихся к нарушению оных». Поэтому одно намерение восстающих против целостности отечества принуждено наказывать смертно. Во-вторых, применяемые в отношении преступников строгие меры «суть нервы, скрепляющие все Отечество»; «правление, которое не может укротить нарушителей другим образом, употребляет жестокость и смертью казнит нарушителей общего спокойствия». В-третьих, казни подлежит лицо, которое «приняв оружие и пламень восстает против своего Отечества и передает оное в руки неприятелю»⁴².

В целом Десницкий выступает за равенство всех перед уголовным законом, говорит «о надобности, повсеместной Российской империи, чтоб всяк без изъятия в своей вине казнен был, как, например, убийца – смертью, вор – шельмованием и самым бесчестным наказанием и прочая». При этом он предвидит, как «многие и знатные фамилии возопиют на такую строгость законов, представляя свой род и свою кровь достойным сожаления и исключения от такой строгости», но отвергает всякие попытки дворянства получить привилегии в сфере действия уголовного закона. «Знатные ж при том и благородные дворяне приличены в криминальных и смертоубийственных делах, исключения себе из такой строгости и святости прав разве только для того будут просить, чтобы все и самые спасительные законы недействительными в Отечестве сделать, чего они сами, как сыны Отечества, не могут желать»⁴³.

³⁹ Там же. С. 17 (в сноске).

⁴⁰ Там же. С. 18-19.

⁴¹ Там же. С. 19.

⁴² Там же. С. 19-20.

⁴³ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 113.

В то же время Десницкий из действия принципа равенства всех перед законом делал изъятие в пользу дворянства; скорее всего, это было продиктовано влиянием на него Смита. По крайней мере, он практически дословно воспроизводит аргументы последнего и делает вывод «благородных можно штрафовать, в ссылку ссылать и смертью казнить, но только не шельмовать»⁴⁴.

В литературе отмечается схожесть взглядов Десницкого и Беккариа на наказание, но при этом высказываются сомнения по вопросу о том, был ли он знаком с трудами последнего. Грацианский отвечает на него утвердительно, ссылаясь на публикации в журнале «Трутенъ» в 1769 г., в которых защищались идеи Десницкого о юридическом образовании вообще и для судей в частности (Грацианский 1978: 98). Однако аргументы Десницкого в пользу смягчения наказания совершенно иные, чем у итальянского юриста и могут, пожалуй, свидетельствовать о том, что его не удовлетворяло игнорирование общественного мнения как при легальной, так и судебной пенализации деяния⁴⁵.

Концептуальные положения сравнительно-исторического направления в теории уголовного права, разработанные Поленовым и Десницким, сказались на взглядах харьковских ученых И.Ф. Тимковского⁴⁶ и К.Ф. Миха(й)ловского.

Илья Федорович Тимковский (1773–1853) – юрист, профессор, декан нравственного факультета Харьковского университета.

Родился в Переяславле-Хмельницком в семье полкового есаула. Четыре года обучался дома, затем – в частной школе при Золотоношском Благовещенском монастыре. В 1781–1785 гг. учился в Переяславской семинарии, в 1785–1789 гг. в Киево-Могилянской академии. Обучаясь в Московском университете⁴⁷, получил за представленные сочинения две серебряные медали (в 1790 и 1792 гг.) на философском факультете, серебряную и золотую (в 1793 и 1795 гг.) на юридическом факультете. Юридический факультет окончил в 1796 г.

⁴⁴ См.: Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 195.

⁴⁵ Там же. С. 192.

⁴⁶ Тимковский признается выдающимся педагогом, оставившим свой неповторимый след в истории отечественного образования (является первым наставником К.Д. Ушинского – основоположника научной педагогики), внесшим существенный вклад в русскую филологию (см.: *Тимковский И.* Опытный способ к философическому познанию русского языка. Харьков, 1811; подробнее см.: Помелов 2022: С. 11).

⁴⁷ В литературе приводятся разные сведения о месте учебы Тимковского. Ординарный профессор, декан историко-филологического факультета, а затем ректор Императорского Харьковского университета А.П. Рославский-Петровский указывает, что он изучал законоведение в Юнкерском институте до назначения в Харьков в 1803 г. (см. об этом подробно: Фельдштейн 2003: 359). В своих мемуарах Тимковский называет себя воспитанником Московского университета (*Тимковский И.Ф.* Мое определение в службу. Сказание в трех частях 1850 года // Москвитянин. 1852. № 17. С. 1–26).

После завершения обучения в Московском университете Тимковский переехал в Санкт-Петербург, где с 7 февраля 1797 г. стал преподавать российское законоведение в Сенатском юнкерском институте⁴⁸. В 1801 г. переведен секретарем Сената. Работая в Сенате, подготовил «Систематическое расположение законов российских», явившееся первым опытом систематизации русского законодательства. В августе 1802 г. за работу получил Высочайшее благоволение (монаршую награду Российской империи) и бриллиантовый перстень.

В 1802 г. по просьбе министра юстиции Г.Р. Державина занял должность юрисконсульта Министерства и составил проект третейского совестного суда. В 1803 г. по предложению попечителя Харьковского учебного округа С.О. Потоцкого занял должность профессора Харьковского университета, который еще только предстояло открыть. Кроме того, он принял на себя обязанности визитатора (инспектора) училищ Харьковского округа.

В университете преподавал гражданское и уголовное право, российские законы и форму судопроизводства, а временно, помимо прочего, «всеобщую словесность на правилах эстетики и ученую историю в отделении филологических и словесных наук». Таким образом, он читал лекции как студентам-юристам (этико-политическое отделение), так и студентам-филологам (словесное отделение).

18 декабря 1804 г. Харьковский университет, а 30 июня 1805 г. Московский университет присвоили ему степень доктора прав *honoris causa* (почетный доктор).

Во время учебы в Москве Тимковский интересовался римским правом, этот интерес привил ему, скорее всего, профессор Ф. Г. Баузе⁴⁹. «Я налег более на римское право, – пишет он, – ...и в нем пандекты. Тогда зародилась у меня мысль составить подобно, из наших законов, сравнительное право,

⁴⁸ Школа для обучения юнкеров была учреждена 14 января 1797 г. при канцелярии Санкт-Петербургских департаментов Сената императором Павлом I. Ее целью провозглашалось «образование благородных чиновников для гражданской службы», что и определяло содержание учебной программы. Обучение юриспруденции должно было проходить в следующем порядке: «Учащийся, будучи уже приготовлен изъяснением должностей человека и гражданина несколько к познанию прав и должностей, приобретает в классе юридическом познание гражданских законов. Оные должны преподаваемы быть теоретически и практически: 1) разумеется, таким образом, чтобы учитель дал знать учащимся обо всех регламентах, уставах и прочих государственных общих установлениях, равным образом и об указах, так, чтобы учащиеся ясное об оном имели понятие и чтением с изъяснением учителя приобрели нужное в законах знание. 2) Разумеется, чтобы учащиеся под руководством учителя сочиняли прошения, извлекали из дел экстракты, выписывали приличные к делам законы, сочиняли мемории, журналы, определения, и упражнялись бы во всем, что до приказного порядка и дел касается» (цит. по: Высочайше утвержденный доклад от 14 января 1797 г. Генерал-прокурора «Об учреждении школы при Канцелярии Санктпетбургских Департаментов Сената для обучения юнкеров». URL: <https://base.garant.ru/55003820/?ysclid=md5l7buyav316178690> (дата обращения: 12.11.2024).

⁴⁹ Федор Григорьевич Баузе (1752–1812) – юрист, историк права, член-корреспондент Петербургской академии наук, ординарный профессор, декан юридического факультета и ректор Московского университета.

и действительно эту мысль я обрабатывал после в опыте систематического свода законов»⁵⁰.

Сведений о характере преподавания Тимковским уголовного права практически не сохранилось⁵¹. Рославский-Петровский указывает, что он вел «право гражданское и уголовное... вместе с историей оных»⁵². На основе ряда документов и публикаций Фельдштейн приходит к выводу: «...вряд ли вообще можно сомневаться в том, что история права была составной частью его курса. Как понималась И. Тимковским история права, выясняется отчасти из оставленных им трудов общего характера и по русскому гражданскому праву» (Фельдштейн 2003: 359). Т. Ананьева отмечает, что для Тимковского, с его любовью и безграничным интересом к знанию, познание через историю стало потребностью жизни; он был если не центром, то важным звеном трансляции представлений и знаний о прошлом (Ананьева 2018: 133).

Отношение Тимковского к историко-сравнительному направлению в доктрине русского уголовного права, на наш взгляд, нагляднее всего представлено в его речах «О применении знаний к состоянию и цели Государства» и «О поместьях», работе «Сравнение Юстиниановых законов с Российскими» (1809).

В речи, «говоренной на торжественном годовом собрании Императорского Харьковского университета, бывшем 17 января 1808 г.», Тимковский указывает на предназначение правовой науки: «...Изящество знаний в употреблении своем всегда сообразно было с положением и целью Государства»⁵³. Здесь же он обращает внимание на связь законодательства с социальными (племенными и общественными) условиями жизни народов. «Хотя положительные основания гражданских законов весьма сходны между собою у всех народов, – отмечает Тимковский, – но в соединенных

⁵⁰ Тимковский И.Ф. Мое определение в службу. Сказание в трех частях 1850 года // Москвитянин. 1852. № 18. С. 36.

⁵¹ В литературе приводятся противоположные оценки его лекций. Одни считают, что он имел репутацию блестящего ученого и педагога. Немецкий ученый К.-Д. Роммель, преподававший в Харьковском университете с января 1811 г. и заставший Тимковского в его последние месяцы службы, писал в своих воспоминаниях о харьковских университетских коллегах: «Между русскими не осталось ни одного замечательного дарования после Рижского и профессора Тимковского... пользовавшегося большим влиянием...» (Роммель Х.Ф. Пять лет из истории Харьковского университета : Воспоминания проф. Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьк. ун-те. (1785–1815). Харьков, 1868. С. 60). Другие обращали внимание на то, что его лекции были тяжелы для восприятия студентов из-за сложного, витиеватого языка (см.: Тимковский Илья Федорович // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1912. Т. 20. С. 525), а ему самому была присуща «некоторая доля сочувствия дворянскому предрассудку» против совместного обучения представителей разных сословий (Лавровский Н.А. Из первоначальной истории Харьковского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Окт. С. 244).

⁵² Рославский-Петровский А. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования. Харьков, 1885. С. 12.

⁵³ Тимковский И.Ф. О применении знаний к состоянию и цели Государства // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании Императорского Харьковского университета, бывшего 17 января 1808 г. Харьков, 1808. С. 3.

с ними теснейшею взаимностью законах уголовных, органических и хозяйственных всегда сильные находятся разности; и чем менее сходства между народами, в их существенных качествах, в степенях и роде промышленности и образования; тем большее расстояние законы их разделяют. Согласимся, что в исправлении и переменах законов весьма благоразумно пользоваться опытностью и трудами законодательства других держав, весьма полезны предварительные сведения в их Правах»⁵⁴.

В речи «О поместьях» (1810) ученый наиболее отчетливо проводит мысль о необходимости историко-сравнительного исследования, в целом основываясь на положениях, выработанных Десницким. В первой части выступления Тимковский характеризует имплементацию зарубежного законодательства в российское право, обращая особое внимание при этом на неблагоприятные последствия бездумного его заимствования. «Насильственные и роковые причины подвергают введению чуждых заимствуемых законов и смешению их с собственными, которых вовсе оторвать не могут; что ни мало не избавляет от темноты и затруднений в деяниях, а паче смысл исполнителей поставляет на распутьях и призывает бездну суемудрия, толкований и разрешений. Но бывает особое при некоторой возмужалости народа Законодательство, которое с благоговением и постоянною любовью к обычаям входит в рассмотрение Свода отечественных законов, по общим Положительного Права основаниям и средствам, судить с испытанными народов Уставами, и благоразумием от места и времени взятыми исправляет, посредством лиц, приверженных к Отечеству, обладающих истинных видов государственных обозрений, твердым знанием о земле и народе: и сии даровитые произведения с первыми удобно сливаются»⁵⁵.

В разделе «Начало поместного права в России» автор, обращаясь к истории законодательства западноевропейских государств, демонстрирует фактическое применение методов диахронной компаративистики при характеристике русского поместного права⁵⁶. Развитие и исчезновение поместного права ученый объясняет своеобразием экономических и социальных условий жизни русского народа.

Как уже говорилось, к представителям зарождающегося историко-сравнительного направления доктрины уголовного права относился и преподаватель Харьковского университета К.Ф. Миха(й)ловский, уголовно-правовые взгляды которого также покоились на положениях школы Десницкого. Миха(й)ловский преподавал уголовное и гражданское право «по собственным запискам»⁵⁷.

⁵⁴ Там же. С. 22.

⁵⁵ Тимковский И.Ф. О поместьях // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, бывшем 30 июня 1810 года. Харьков, 1811. С. 4.

⁵⁶ См.: Там же. С. 10.

⁵⁷ Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905), составленный профессорами Д. Багалеем, П. Сумцовым, В. Бузескулом. Харьков, 1806. С. 63.

Капитон Филиппович Миха(й)ловский⁵⁸ (1789–1823) – адъюнкт кафедры прав гражданского и уголовного судопроизводства (с 1821 г.). Первоначально обучался в академической гимназии при Московском университете, окончил указанный вуз со степенью доктора юридических наук (1814), здесь же получил степень магистра (1819). В 1823 г. совет факультета ходатайствовал о выплате ему жалованья экстраординарного профессора.

Подходы Миха(й)ловского к историко-сравнительному исследованию отличались от подходов Тимковского. Если последний таким способом пытался выяснить смену институтов права разных народов в зависимости от определенных изменений социального характера, то Миха(й)ловский путем диахронной компаративистики стремится изучить источники русского права (их появление, влияние законодательства других государств, правовую природу, законодательную технику и др.), более глубоко проникнуть в суть отдельных их положений. Так, в речи «О начале и происхождении Российского законодательства»⁵⁹ Миха(й)ловский пытается разрешить задачу, которая и в настоящее время не потеряла свою актуальность: русское законодательство, в частности «Русская Правда», является собственно национальным или оно сложилось под влиянием законодательства других стран, с народами которых русские имели тесные связи. Он склоняется к мысли, что уголовные законы носят заимствованный характер. В их основе лежит германское законодательство; по его мнению, гражданское законодательство покоится на римском праве, оказавшем влияние через Византию. В доказательство своей гипотезы Миха(й)ловский приводит результаты сравнительного анализа ряда норм «Русской Правды», относящихся к «смертоубийству», «увечьям и ранам», «воровству», «утайке» и др. Он замечает: «...ныне весьма удостоверились, что под именем Вандалов надлежит разуметь Венедов, Славян балтийских, живших в соседстве со Скандинавами и Готфами (народ германского племени, живший первоначально по течению реки Вислы, а потом расселившийся по реке Дунаю. – *Авт.*)⁶⁰; «...Уголовные законы, содержащиеся в Ярославской Русской правде, заимствованы из древле Германских, или Готфских законов, которые известными были Славянам во странах Балтийских...»⁶¹.

⁵⁸ Фамилия ученого в разных источниках пишется по-разному. Так, Г.С. Фельдштейн (см.: Фельдштейн 2003: 360), Д.И. Багaley (см.: *Багaley Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) с приложением портретов и планов. В 2 т. Т. 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков, 1904. С. 497) пишут ее как «Михаловский»; В.В. Попов (см.: Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. М.П. Чубинского, Д.И. Багалея. Харьков, 1906. С. 191) называет его Михайловским; в таком же изложении она указана в опубликованной речи (см.: Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, 30 августа 1823 года. Харьков, 1823. С. 25).

⁵⁹ *Михайловский К.Ф.* О начале и происхождении Российского законодательства // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, 30 августа 1823 года. Харьков, 1823. С. 15.

⁶⁰ Там же. С. 21–22.

⁶¹ Там же. С. 24–25.

Научное наследие Тимковского и Миха(й)ловского, относящееся к историко-сравнительной доктрине уголовного права, бесспорно невелико, однако от этого оно не стало менее значимым. Во-первых, надо иметь в виду, что речь идет об ученых, стоявших у истоков диахронной компаративистики, получившей в том числе благодаря трудам указанных ученых в настоящее время широкое распространение не только в уголовно-правовых исследованиях, но и в других правовых науках. Во-вторых, работы Тимковского и Миха(й)ловского свидетельствуют о преемственности идей школы Десницкого, его научном влиянии на становление и развитие историко-сравнительного направления исторической школы российского уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ананьева Т. 2018. Между «сказанием» и «episodes en swift»: о неизвестной рукописи Ильи Тимковского «Записки для истории Малороссии» (1849 г.) // Киевская академия. Вып. 15. С. 135–167.

Грацианский П.С. 1978. Десницкий. Москва : Юрид. лит. 111 с.

Емельянов Б.В. 2022. Три века русской философии. Хронограф XVIII–XX веков. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та. 551 с.

Круглов А.Н. 2019. С.Е. Десницкий и дискуссии о естественном праве в России XVIII века // Историко-философский ежегодник. Т. 34. С. 178–221. DOI 10.21267/AQUILO.2019.34.43441

Маликов С.В., Чучаев А.И. 2025. Нейман и его школа русского уголовного права (статья вторая: Дерптский университет) // Государство и право. № 2. С. 154–166. DOI 10.31857/S1026945225020155

Покровский С.А. 1955. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого. Москва : Госюриздат. 168 с.

Помелов В.Б. 2022. Илья Федорович Тимковский: первый наставник К.Д. Ушинского : (к 250-летию видного российского педагога) // Историко-педагогический журнал. № 4. С. 11–31.

Сизинцев П.В. 2019. Понятие о личности в научно-публицистическом творчестве историка А. Я. Поленова (1738–1816) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 6. С. 114–118.

Томсинов В.А. 2007. Семен Ефимович Десницкий (около 1740–1789) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков : очерки жизни и творчества : в 2 т. Москва : Зерцало. Т. 1. С. 131–157.

Фельдштейн Г.С. 2003. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Москва : Зерцало. 523 с.

References

Ananyeva T. *Mezhdru «skazaniem» i «episodes en swift»: o neizvestnoy rukopisi Il'i Timkovskogo «Zapiski dlya istorii Malorossii» (1849 g.)* [Between the “legend” and “episodes en swift”: About the Unknown Manuscript of Ilya Timkovsky's “Notes for the History of Little Russia” (1849)], *Kievskaya akademiya*, 2018, iss. 15, pp. 135–167. (in Russ.).

Feldstein G.S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugovolnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Moscow, Zertsalo, 2003, 523 p. (in Russ.).

Graziansky P.S. *Desnitskiy* [Desnitsky], Moscow, Yuridicheskaya literature, 1978, 111 p. (in Russ.).

Krouglov A.N. S.E. Desnitsky and Discussions on Natural Law in Russia in 18th Century, *History of Philosophy Yearbook*, 2019, vol. 34, pp. 178–221. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.34.43441> (in Russ.).

Malikov S.V., Chuchaev A.I. Neumann and his School Russian Criminal Law (The Second Article: University of Dorpat), *State and Law*, 2025, no. 2, pp. 154–166. <https://doi.org/10.31857/S1026945225020155> (in Russ.).

Pokrovsky S.A. *Politicheskie i pravovye vzglyady S.E. Desnitskogo* [Political and Legal Views of S.E. Desnitsky], Moscow, Gosyurizdat, 1955, 168 p. (in Russ.).

Pomelov V.B. Ilya Fedorovich Timkovsky: The First Mentor of K. D. Ushinsky (on the 250th Anniversary of a Prominent Russian Teacher), *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 11–31. (in Russ.).

Sizintsev P.V. Title of the Article: The Concept of Personality in the Scientific and Journalistic Work of the Russian Historian A.Y. Polenov (1738–1816), *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*, 2019, no. 6, pp. 114–118. (in Russ.).

Tomsinov V.A. Semen Efimovich Desnitskiy (okolo 1740–1789) [Semyon Yefimovich Desnitsky (circa 1740–1789)], *Tomsinov V.A. Rossiyskie pravovedy XVIII–XX vekov : ocherki zhizni i tvorchestva : v 2 t.*, Moscow, Zertsalo, 2007, vol. 1, pp. 131–157. (in Russ.).

Yemelyanov B.V. *Tri veka russkoy filosofii. Khronograf XVIII–XX vekov* [Three Centuries of Russian Philosophy. Chronograph of the XVIII–XX Centuries], Nizhnevartovsk, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, 551 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Владимирович Маликов

доктор юридических наук, заместитель
директора по научной работе Института
государства и права РАН;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-0892-2328;
SPIN-код: 1466-7490;
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права РАН;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-5144-052X;
SPIN-код: 6778-1871;
E-mail: moksha1@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Malikov

Doctor of Law, Deputy Director for Scientific
Work of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-0892-2328;
SPIN-code: 1466-7490;
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchaev

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation, Head of the Sec-
tor of Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminology of the Institute of State
and Law of the Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-5144-052X;
SPIN-code: 6778-1871;
E-mail: moksha1@rambler.ru